

Белая книга зимней тайги

В таежном промысле 99 процентов охотничьей удачи зависит от хорошей собаки. Поэтому, когда четыре года назад у меня от старости пропал верный пес Соболь, я лишь по укоренившейся традиции пошел в тайгу без четвероногого помощника. Сходил на один-единственный день и больше решил не испытывать удачу.

А все потому, что без собаки охота превратилась в обыкновенную лыжную прогулку по заснеженному лесу. Тем более что в те годы, вероятно, от эпидемии в тайге почти вымерли зайцы-беляки, коих прежде на правом берегу Кана было немерено. Да что говорить о лопухих, если даже рябчика встретить в этих прежде благословенных для любого охотника местах стало проблематично. Помню, прошел в тот зимний день на лыжах километров двадцать и за семь часов тяжелого пути по снежной целине увидел вдалеке взлетевшего глухаря и неподалеку сойку-щебетунью. А снежный покров вдоль таежной тропы был девственно чист. Лишь мизерные стежки мышиных следов изредка нарушали это мертвое лесное царство.

Самое парадоксальное заключалось в том, что охотники в здешние места в последние годы практически не заглядывали. У многих появился вездеходный транспорт, и ходить пешком по лесным урочищам стало немодно. Казалось бы, для птицы и зверя в тайге наступили благодатные времена. Но они словно вымерли. Лишь одинокие рыси в поисках пищи еще бродили здесь, доедая последних зайцев, впрочем, не брезгуя и мышами-полевками. Честное слово, в тот год мне показалось, что с охотой, видимо, придется заканчивать. Тем более что и в лесостепной зоне моторизованные отряды охотников на джипах и снегоходах буквально вычистили все, что бегало, прыгало и летало. Но без собаки в доме на земле жить скучно, и два года назад по случаю за десять рублей мы приобрели щенка. Мать у него была красивой лайкой, по словам хозяина-охотника, идущей на любого зверя. А вот про "папку" сказать было нечего, поскольку его в глаза никто не видел. Был он, скорее всего, беспородной черной дворняжкой, поскольку щенок явно не отличался элитным экстерьером. Правда, уши у него быстро встали торчком, а вот лапы по фигуре оказались явно короткими. Что, впрочем, не мешает ему легко перепрыгивать двухметровый забор.

Осенью, когда начался охотничий сезон, а Кан еще не покрылся ледяным панцирем, я брал Амура в Громадскую тайгу. Он суматошно и без усталости носился по лесу в поисках добычи. Но получилось так, что трех глухарей я добыл практически без его помощи: Амур не реагировал на больших птиц и накидывался на добычу, когда она уже лежала на земле, сраженная дробью. Хуже того, в первые дни охоты мой верный пес после ружейных выстрелов, поджав свой хвост-калачик, стремглав убегал к машине, прячась от страха под днищем. Выросший в семье охотников, я знал суровые законы тайги, и в других условиях моего Амура ждала бы смерть от руки собственного хозяина. Но кобелек, сказавшись кровью отца-дворняжки, верно сторожил усадьбу, был довольно красив собой, и я пожалел собаку.

Оказалось, не зря. Вскоре пес перестал бояться выстрелов, стал напористо искать добычу. Еще больше удивил Амур на зимней охоте. После того как замерз Кан, мы отправились с ним в те места, где я годами охотился прежде. Накануне выпал снег, и лес стал настольной книгой, которую опытный охотник читает, как "Отче наш". Удивительно, но за четыре прошедших года в угодьях за Каном произошли перемены к лучшему. Впрочем, охотничьими угодьями эти места назвать можно только с большой натяжкой. Давным-давно дремучую тайгу вырубил здесь почти до основания. Островки елового леса остались лишь в поймах небольших рек и ручьев, да изредка попадаются небольшие участки молодого сосняка. А в основном в округе один осинник и другой низкосортный лес. Впрочем, именно такие места в свое время облюбовали сотни зайцев, много было здесь глухарей и рябчиков, нередко попадались даже лоси. Но, повторяю, лет десять назад тайга за Каном стала стремительно оскудевать зверьем и птицей.

Поэтому нынче я пошел побродить по здешним местам, скорее всего, лишь для того, чтобы отдохнуть на природе и подышать воздухом своей малой родины. А если учесть, что с собакой ходить по лесу гораздо веселей, отпуск обещал быть очень интересным. Но едва мы поднялись на крутой и скалистый берег реки, как Амур сразу же подал голос. Оказалось, он нашел белку. Следы этих симпатичных зверьков попадались впоследствии очень часто. Видимо, на севере края нынче действительно бескормица, и белка мигрировала в центральные районы, где нынче также неурожай кедрового ореха, зато сосновых шишек вволю. Вот и жируют зверьки по соснякам, забивая себе шерсть на мордочке смолой так, что впоследствии могут и погибнуть от голода: смолистый кляп не дает раскрыть рот.

Иногда прямо из снега взлетали рябчики. Правда, это были уже не те любопытные до собственной смертельной опасности птицы, которых в прежние годы ловили петлями из лески, а после выстрела табун лишь перелетал с дерева на дерево. Сейчас они стремглав уносились подальше, в гущу леса, от охотника. Но факт налицо: на путике в 15-20 километров попало с десятков-полтора этих сереньких птиц.

Сначала Амур пытался облаивать рябчиков, но вскоре сам устыдился собственной глупости. Зато как поразился я, когда однажды пес залаял совсем не так, как на белку, зло и настойчиво. Осторожно подбираясь к собаке, я внимательно всматривался в сосняк. Еще несколько шагов, и сквозь сосновые ветви взору предстал красавец глухарь. Огромный черный петух сидел на соседней лиственнице и с настороженностью наблюдал за беснующимся внизу от бессилия псом. Амур еще долго после этого не мог успокоиться и почти всю оставшуюся дорогу то и дело поднимал свою остроносую морду вверх, видимо, надеясь увидеть новую добычу. Увы, поумневший, казалось бы, пес еще несколько раз облаивал глухарей, но то ли чуткие птицы оказались не такими доверчивыми, как их неудачливый собрат, то ли я подкрадывался к ним неосторожно - глухари взлетали с деревьев раньше, чем я приближался на ружейный выстрел. После очередной неудачи Амур подбежал ко мне и словно укорял взглядом, дескать, что ж ты, хозяин, такой неуклюжий, я лаял, лаял, а ты...

Впрочем, огорчались мы с собакой недолго. Амур вновь начинал свой бесконечный поиск дичи по лесной глухомани, а я от души радовался, что не перевелись в моих родных местах такие красивые и большие птицы. На снегу то и дело появлялись следы зайца, белки, колонка, а то и соболя, радость переполняла сердце. Ведь настоящий охотник никогда не ходит в тайгу ради одной добычи. Он не будет в своих угодах уничтожать все, до последнего зверька и птицы, понимая, что одним охотничьим сезоном жизнь не заканчивается. Вот и в моей практике случалось немало дней, когда я возвращался из тайги пустой и усталый. Но если в этот день пришлось увидеть даже одного-единственного рябчика, значит, день, проведенный на природе, не прошел даром. Он обязательно вернется сторицей - приподнятым настроением, бодростью духа, радостью от сохранившейся природы.

Виктор РЕШЕТЕНЬ.